УДК 347.91/95
347.64

Сальникова Вероника Сергеевна, студент
Институт Академии ФСИН России
Salnikova Veronika Sergeevna
Institute of the Academy of the
Federal Penitentiary Service of Russia

Научный руководитель:
Хорошко Ирина Вячеславовна,
старший преподаватель
Институт Академии ФСИН России
Khoroshko Irina Vyacheslavovna, Senior Lecturer
Institute of the Academy of the
Federal Penitentiary Service of Russia

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
THE PROCEDURAL STATUS OF GUARDIANSHIP AND CUSTODIAL AUTHORITIES IN THE ARBITRATION PROCESS: PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE IT

Аннотация. В статье анализируются проблемные аспекты участия органов опеки и попечительства в арбитражном процессе – неопределенность процессуального статуса, пробелы в нормативном урегулировании, риски формального подхода и вопросы взаимодействия с другими участниками дела. На основе действующего законодательства и анализа судебной практики формируется предложения по совершенствованию правового механизма.

Abstract. The article analyzes the problematic aspects of the participation of guardianship and custody authorities in the arbitration process – the uncertainty of their procedural status, gaps in regulatory regulation, the risks of a formalistic approach, and issues related to interaction with other parties to the case. Based on the current legislation and an analysis of judicial practice, proposals for improving the legal mechanism are formulated.

Ключевые слова: Арбитражный процесс, органы опеки и попечительства, процессуальный статус, банкротство, защита интересов несовершеннолетних.

Keywords: Arbitration process, guardianship and custody authorities, procedural status, bankruptcy, protection of minors' interests.

Участие органов опеки и попечительства в арбитражном процессе представляет собой относительно новый недостаточно урегулированный институт. На первый взгляд может показаться, что данная тема не совсем типичная для арбитражного процесса, так как арбитраж традиционно рассматривает экономические вопросы и предпринимательские споры, а здесь идет речь о детях, недееспособных лицах. Однако, если более глубоко изучить нормативную базу и судебную практику становится очевидно, что проблема напрямую связана с защитой прав наиболее уязвимых участников экономических отношений.

Актуальность темы обусловлена отсутствием единой нормы, определяющей процессуальное положение органа опеки и попечительства в арбитражном процессе. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) в статье 51 регулирует участие третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, и зачастую именно эта норма используется судами для формального включения органа опеки к судебному разбирательству. Однако, орган опеки не состоит в материально-правовых отношениях со сторонами спора и не имеет собственного юридического интереса- в том понимании, которое принято в теории третьих лиц. Таким образом, орган формально участвует в процессе, но его

публично-правовая природа не учитывается. Специальное регулирование присутствует лишь в отдельных сферах, например, в делах о банкротстве граждан: абзац 3 пункта 2 статьи 213.6 Федерального закона от 26 октября 2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее Закон о банкротстве) обязывает арбитражный суд привлекать органы опеки к участию в разбирательстве, если в рамках дела затрагиваются права несовершеннолетних, либо права лица, признанного недееспособным. Но сам процессуальный статус привлекаемого органа законом не определен. На практике это приводит к тому, что в одних судебных актах орган опеки именуется третьим лицом, в других – заинтересованным лицом, в-третьих, «иным лицом». Такое многообразие формулировок свидетельствует об отсутствии системного подхода и создает риск процессуальных ошибок.

Неопределенность статуса несет конкретные негативные последствия. Судебная практика показывает случаи, когда апелляционные суды прекращают производство по жалобам органов опеки, формально привлеченных к делу, ссылаясь на то, что обжалуемый судебный акт не затрагивает их собственных прав и обязанностей. Так, в деле №А55-12445/2023 апелляционный суд указал, что вопрос о включении требований кредитора в реестр не связан с участием органа опеки в рассмотрении данного вопроса, а доказательства нарушенных прав несовершеннолетних не представлено. Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) также отказал в передаче кассационной жалобы органа опеки для рассмотрения по существу, не усмотрев основных нарушений. Такие акты свидетельствуют о том, что механизм привлечения органа опеки часто носит формальный характер: орган присутствует в процессе, но лишен действенных способов влияния на исход дела в интересах подопечного.

Так, существенное влияние оказывают изменения в смежном законодательстве. Так, Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее Закон об опеке и попечительстве) наделяет органы опеки полномочиями по обращению в суд и представительству подопечных, однако эти полномочия не адаптированы к арбитражному процессуальному законодательству. Возникает некий разрыв: публичная обязанность органа опеки защищать интересы несовершеннолетних существует, а арбитражная процессуальная форма для её реализации в полном объеме отсутствует.

Проблема имеет и выраженное практическое измерение. В случае банкротства граждан, когда законные представители несовершеннолетнего являются должниками, их имущественные интересы могут конфликтовать интересами ребёнка; процедура может вводиться в отношении обоих представителей либо у ребёнка может быть только один законный представитель. В таких случаях орган опеки призван обеспечить независимую позицию по вопросам сохранения жилищных прав ребёнка, выдела его доли в имуществе и недопустимости реализации единственного жилья без предоставления взамен другого. Однако без чёткого процессуального статуса и полномочий орган опеки зачастую не может эффективно выполнить эту функцию.

Ключевой фактор, препятствующие обеспечению прав несовершеннолетних арбитражным процессе, – отсутствие общей нормы о процессуальном положении органа опеки и попечительства; требуется унификация оснований участия органов власти для дачи заключения.

Таким образом, актуальность темы определяется пробелами в нормативном регулировании участия органов опеки в арбитражном процессе и неопределённостью их процессуального статуса, что порождает противоречивую судебную практику и ограничивает возможность обжалование судебных актов; риском формального участия, не обеспечивающего реальной защиты прав несовершеннолетних; потребностью в единообразном подходе к привлечению органов опеки в делах о банкротстве граждан; необходимостью осмысления путей совершенствования законодательством в данной сфере.

Единой нормы, которая определяла бы процессуальное положение органа опеки и попечительства в арбитражном процессе, в действующем законодательстве, как мы уже выясняли, нет. АПК РФ в статье 51 регулирует участие третьих лиц, не заявляющих

самостоятельных требований относительно предмета спора, и именно эта конструкция чаще всего используется судами для формального «подключения» органа опеки к разбирательству. Согласно части 1 статьи 51 АПК РФ, третьи лица могут вступать в дело на стороне истца или ответчика до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела в первой инстанции, если этот акт может повлиять на их право или обязанность по отношению к одной из сторон; они могут быть привлечены к участию в деле также по ходатайству стороны или по инициативе суда. Однако орган опеки не состоит в материально-правовых отношениях со сторонами спора и не имеет собственного юридического интереса в том смысле, который вкладывается в него доктриной третьих лиц. Признаком третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, является влияние судебного акта на права и обязанности такого лица по отношению к одной из сторон, тогда как для органов власти, не участвующих в спорном правоотношении, такое влияние исключается. Следовательно, использование статьи 51 АПК РФ – не более чем процессуальная фикция: она просто обеспечивает участие органа в процессе, но не отражает его публично- правовую природу.

Специальное регулирование участия органа опеки в судебных разбирательствах ограничено отдельными сферами; наибольшее развитие оно получило в области банкротства граждан. Абзац 3 пункта 2 статьи 213.6 Закона о банкротстве устанавливает, что при вынесении арбитражным судом определения о признании обоснованным заявления должника, конкурсного кредитора или уполномоченного органа о признании гражданина банкротом, введении реструктуризации его долгов или признании и гражданина банкротом и введении реализации имущества гражданина арбитражный суд привлекает к участию в рассмотрении дела о банкротстве гражданина орган опеки и попечительства в случае, п ли в рамках рассматриваемого дела затрагиваются права несовершеннолетнего лица либо права лица, признанного судом дееспособным. При этом закон о банкротстве не определяет, какой процессуальный статус имеет привлекаемый орган опеки. Это порождает терминологическую разрозненность, что приводит к увеличению рисков процессуальных ошибок.

Статья 8 Закона об опеке относят к полномочиям органа обращения в суд о признании гражданина недееспособным или об ограничении дееспособности и представительство подопечных в судах; однако эти нормы сформулированы для гражданского и административного судопроизводства и не адаптированы к арбитражному процессу; Семейный кодекс РФ также предусматривает участие органа опеки в спорах о воспитании детей, но такие споры по общему правилу подведомственны судам общей юрисдикции.

В научной литературе отмечается «расщепление полномочий» органов опеки по защите прав несовершеннолетних в арбитражном судопроизводстве. Они наделены процессуальной правосубъектностью и могут выступать в суде в качестве истца, госоргана, дающего заключение по существу спора, а также в качестве третьего лица. Отсутствие единой нормы приводит к смешению ролей, от которых зависит объем прав: третье лицо без самостоятельных требований вправе знакомиться с материалами дела, участвовать в заседаниях и представлять доказательства, но не может обжаловать судебный акт, если он не принят непосредственно о его правах и обязанностях; орган, дающий заключение, по аналогии с гражданским процессом должен иметь право обжалования в интересах подопечных. Показательна практика, когда апелляционный суд прекращает производство жалобы органа опеки, указывая, что обжалуемый вопрос не связан с его участием в рассмотрении дела, а доказательств нарушения прав несовершеннолетнего не предоставлено, – в итоге орган лишается возможности реагировать на судебный акт.

Отдельно стоит обратить внимание на критерии привлечения органа опеки. В научной литературе существует предложение связывать обязанность суда запросить заключение органа опеки не с самим фактом наличия у должника несовершеннолетних детей, а с установленным риском существенного ухудшения положения ребенка. Такой подход, по мнению авторов, одновременно предотвращает массовое формальное привлечение органа опеки и дает суду понятное основание для его участия.

Анализ диссертационного исследования С.А. Газаровой показывает, что возможность дачи заключения органом власти в арбитражном процессе опирается на правовую позицию ВС РФ и строится на по аналогии с гражданским судопроизводством, однако, здесь возникают полномочиями прокурора и с моделью регулирования схожих отношений в гражданском и административном судопроизводстве. По мнению исследователя, применение такой аналогии недопустимо, если оно противоречит специальным случаям дачи заключения, предусмотренным АПК РФ. В итоге судам приходится «изобретать» процессуальную форму там, где законодатель должен был дать ясное решение.

В законе о банкротстве сказано: суд обязан привлечь орган опеки, если в деле затрагиваются права несовершеннолетнего или недееспособного лица. Однако в этой формулировке нет четкого ориентира, по которому сразу стало бы понятно, когда именно права считаются затронутыми. Отсюда и спорный момент: хватит ли факта того, что у должника есть ребенок, чтобы привлечь опеку, или этот мало и нужно доказать, что в ходе банкротства гражданина ребенку реально грозит ущерб- например, пострадают его имущественные интересы?

Судебная практика демонстрирует различные подходы. В одних случаях суды привлекают орган опеки, исходя из того, что наличие несовершеннолетнего ребенка у должника автоматически означает затрагивание пот прав, поскольку реализация имущества должника может повлиять на жилищные и имущественные условия ребенка. В других случаях суды требуют представления доказательств того, что права несовершеннолетнего действительно нарушаются или могут быть нарушены конкретным судебным актом или процедурой. Так, в одном из судебных дел апелляционный суд указал, что доказательств нарушения прав несовершеннолетних детей должника принятием обжалуемого судебного акта в части включения требований кредитора в реестр не представлено, а сама возможность участия органа в целях защиты прав ребенка в ходе дальнейшего рассмотрения не утрачена. Такая позиция, с одной стороны, соответствует принципу процессуальной экономии, но с другой – создает риск ситуаций, когда орган опеки привлекается к делу лишь на поздних стадиях, когда существенные для ребенка решения уже приняты.

Отдельного внимания заслуживает проблема привлечения органа опеки на стадии рассмотрения обособленных споров о банкротстве. Закон о банкротстве не уточняет, должен ли орган опеки привлекаться к каждому обособленному спору, затрагивающему имущественную составляющую должника, или его участие ограничивается рамками основного дела. На практике это приводит к тому, что орган опеки привлекают, когда решается вопрос о признании человека банкротом, но в других спорах, которые идут в рамках дела, например, когда идет разбирательство о том, включать ли требования кредиторов в реестр, как продавать и делить совместно нажитое имущество супругов, уже могут не привлечь. Но ведь именно в этих обособленных спорах и решаются вопросы, непосредственно влияющие на имущественное положение ребенка.

Даже будучи привлеченным к участию в деле, орган опеки не располагает полным объемом процессуальных средств, необходимых для эффективной защиты интересов подопечного. Статья 8 Закона об опеке наделяет орган опеки правом обращаться в суд с заявлением о признании гражданина недееспособным, однако, применительно к арбитражному процессу, аналогичное полномочие не сформулировано. В условиях банкротства законных представителей, когда их собственные интересы могут противоречить интересам ребенка, орган опеки мог бы выступать в качестве истца по требованию о защите имущественных прав ребенка. Отсутствие прямой нормы вынуждает суды оценивать процессуальную дееспособность органа опеки, что создает неопределенность.

Остается не прояснён вопрос, вправе ли орган опеки давать заключение по делу в арбитражном процессе. В гражданском процессе это отдельная форма участия – «голос государства», выражающий публичный интерес; в арбитражном процессе общей нормы нет, заключения властных органов предусмотрены лишь в отдельных случаях (например, госнадзор по экологическим спорам). Суды иногда оформляют орган опеки как третье лицо,

не заявляющее самостоятельных требований, но это не позволяет считать его заключение процессуальным документом и доказательством. Особенно это важно в делах о банкротстве граждан: мнение опеки помогло бы оценить, не пострадают ли интересы ребенка при продаже имущества родителей, сохранится ли у несовершеннолетнего жилье и удовлетворение базовых потребностей.

В профессиональной литературе, что органы опеки и попечительства привлекаются в делах о банкротстве для дачи заключения, если дело затрагивает права и законные интересы несовершеннолетнего, однако заключение по делу и выполнение функций представления ребенка-это ссовершенно разные процессуальные функции. В первом случае опека действует от имени подопечного и совершает процессуальные шаги за него. Во втором – просто высказывает экспертное мнение как компетентный орган. Подменять одно другим нельзя: мнение органа не должно подменять собой волю самого лица, чьи права защищаются.

Ограниченность полномочий проявляется и в невозможности органа опеки самостоятельно инициировать пересмотр судебного акта в порядке надзора или по новым обстоятельствам, если он не был признан лицом, участвующим в деле. Практика показывает, что суды кассационной инстанции отказывают в удовлетворении ходатайств о привлечении органа опеки к участию в деле, ссылаясь на отсутствие у суда кассационной инстанции полномочий по привлечению третьих лиц. Это означает, что если орган опеки не был привлечен судом первой инстанции, возможности исправить это на последующих стадиях ограничены.

На практике привлечение органа опеки в арбитражном деле не гарантирует, что права подопечного ребенка действительно защитят. Нередко опека занимает позицию безучастности, и суду приходится восстанавливать права и законные интересы несовершеннолетнего вопреки позиции органа опеки. Причина тут в самой системе. Органы опеки – это органы исполнительной власти на уровне региона или муниципалитета, их ресурсные и кадровые возможности ограничены, а загруженность по гражданским делам, подведомственным судам общей юрисдикции, высока. Арбитражные дела, связанные с банкротством граждан для многих подразделений- не приоритет, поэтому в арбитраж часто присылают шаблонные отзывы или вовсе не приходят представители.

Процессуальный статус органа опеки тоже сильно ограничивает его возможности. Когда данный орган привлекают как третье лицо, которое не заявляет самостоятельных требований, он не вправе требовать проведения экспертизы, заявлять о фальсификации доказательств, обжаловать судебный акт в интересах несовершеннолетнего. Его активность сводится к подаче письменных заявлений – а суд вправе их и не учитывать. Получается парадоксальная ситуация: орган формально в деле присутствует, а реально повлиять на результат не может. В случае, если родители ребенка являются должниками, и их личные имущественные интересы идут вразрез с нуждами ребенка, как раз и нужен независимый голос: именно орган опеки мог бы последовательно отстаивать интересы ребенка: следить, чтобы не нарушались его жилище права, чтобы была выделена положенная доля в имуществе, чтобы единственное жилье не было продано без гарантии предоставления другого жилья.

В научной литературе звучат различные варианты решения проблемы. Одна из них – назначение судом адвоката для защиты интересов ребенка на безвозмездной основе. Такой подход помогает обеспечить баланс общественных интересов и прав ребенка. Адвокат по назначению, будучи независимым от законных представителей ребенка и от органов опеки, способен обеспечить действительную состязательность и представить суду аргументированную позицию, основанную на законе. Он является наиболее эффективным способом защиты прав несовершеннолетних в тех случаях, когда процедура банкротства введена в отношении обоих законных представителей или когда между интересами ребенка и интересами родителей возникает конфликт.

Решение всех выявленных проблем требует комплексного подхода. Во-первых, в АПК РФ необходимо включить общую норму об участии органов опеки и попечительства в арбитражном процессе. Такая норма должна закрепить особый процессуальный порядок

органа опеки как органа, дающего заключение по делу, а не третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований. Одновременно стоит наделить орган опеки правом обжаловать судебный акт в интересах подопечного и правом предъявлять иск в защиту имущественных прав несовершеннолетнего или недееспособного лица, если законный представитель не может или не желает этого сделать из-за конфликта интересов.

Во-вторых, нужно уточнить статью 213.6 Закона о банкротстве. Целесообразно конкретизировать основания привлечения органа опеки, закрепить презумпцию затрагивания прав ребенка при наличии у должника несовершеннолетних детей, а также указать, что орган опеки привлекается не только к основному делу о банкротстве, но и к обособленным спорам, которые непосредственно влияют на имущественную массу должника и жилищные права ребенка.

В-третьих, ВС РФ необходимо разъяснить, что орган опеки, привлекаемый к арбитражному делу в силу закона, занимает особое процессуальное положение органа, дающего заключение, а не статус третьего лица. За органом опеки должно быть признано право на апелляционное и кассационное обжалование судебных актов, затрагивающих права несовершеннолетних, независимо от того, был ли орган формально привлечен к делу в первой инстанции.

В-четвертых, требуются методические рекомендации для территориальных органов опеки по участию в делах о банкротстве граждан, повышение квалификации специалистов. Без этого невозможно обеспечение реальной защиты прав подопечных должным образом

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон. – Москва: Проспект, 2024. – 256 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

4. Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24 апр. 2008 г. № 48-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755.

5. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

6. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 8.

Научная литература

7. Газарова, С. А. Заключение органов государственной власти и органов местного самоуправления в арбитражном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Газарова Светлана Александровна. – Москва, 2024. – 24 с.

8. Газарова, С. А. К вопросу о праве дачи заключения по делу органом власти в арбитражном процессе / С. А. Газарова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 7. – С. 15–19.

9. Газарова, С. А. К вопросу об отнесении заключения органа государственной власти или органа местного самоуправления к доказательствам в арбитражном процессе / С. А. Газарова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 1. – С. 12–16.

Судебная практика

10. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от [21.12.2025] по делу № А55-12445/2023 // https://sudact.ru/arbitral/doc/7bvQBqVEmrJc/ (дата обращения 05.10.2026)